

Станислав САХОНЧИК

Станислав Сахончик родился в 1949 г. в Кирове. Окончил медучилище, отслужил срочную фельдшером в войсках ПВО, после чего поступил во Владивостокский мединститут, окончив который, стал младшим научным сотрудником. Постепенно осознав свою неуместность в науке, перешёл во вспомогательный флот, где провёл шесть лет в качестве судового врача на танкерах 31-й бригады судов обеспечения Тихоокеанского флота. Участвовал в операции по подъёму сбитого южнокорейского «Боинга-747» у Сахалина в 1983 году, в разминировании Красного моря, в многомесячном походе большого морского танкера «Владимир Колечицкий».

Ныне Станислав – эксперт-эколог государственной экспертизы, проживает в Благовещенске.

Выпустил две книги рассказов: «Белая бригада» (2007) и «Страшная месть ефрейтора Шварцмана» (2008). В 2009 г. опубликовал сборник документальных рассказов «В перечне военных конфликтов не значатся...»

Рассказы

Хождение в Ходейду

После многомесячных походов по Индийскому океану и Красному морю танкер «Владимир Колечицкий» бросил якорь на внешнем рейде северо-йеменского порта Ходейда. Судно в полной загрузке с его девятиметровой осадкой из-за мелководья просто не могло подойти к причалам. До самого города было не близко, он просматривался только в бинокль.

И это было очень хорошо, так как у нас уже имелся богатый опыт близкого общения с арабскими и африканскими портовыми городами. Не далее как неделю назад мы заправлялись горючим на нефтяном терминале Адена и понесли изрядный моральный урон от мусульманских обычаев.

На набережной стояла мечеть, и с её минарета каждое утро, «в тот час, когда чёрную нитку можно отличить от белой» (то есть примерно в четыре утра по судовому времени), через мощные японские динамики нёсся призывный клич муэдзина, из-за неразборчивости текста временами напоминавший ишачий рёв, призывавший правоверных к утреннему намазу и ещё несколькими азанам в течение дня. Невыспавшийся экипаж реагировал вполне адекватно – из открытых иллюминаторов кают и кубриков неслись выражения, весьма далёкие от парламентских.

А боцман, бравший уроки морской словесности у знаменитого капитана «Россоши» Михеича, выдавал с палубы в сторону города многоэтажные предложения, заканчивавшиеся, впрочем, единственно печатными и вполне правильными словами: «...и Магомета, пророка его!» Вот так два дня и развлекались...

Так что мы прибыли в Ходейду уже вполне подготовленными – с экипажем были проведены соответствующие политзанятия, в ходе которых нас (с большим сомнением в результатах) попытались убедить, что угнетённые мировым империализмом трудящиеся Ближнего Востока ужасно страдают под игом капитализма и буквально носят на руках советских людей, размазывая при этом рукавами слёзы радости. Народ у нас был опытный, плавали не первый год и политотдельские агитки, рассчитанные на интеллект матросов-срочников из глухих деревень, на нас давно уже не действовали.

Кроме того, мы были кровно обижены на Северный Йемен – здешнее правительство подложило Советскому Союзу во время недавней операции по разминированию Красного моря грандиозную свинью в виде запрещения базирования на берегу тяжёлых вертолётотральщиков «Ми-14 БТ», в то время как английские «Си Стэллионы» с вертолётоносца «Инвинсибл» спокойно поднимались с берега с тяжёлыми электромагнитными тралами. В результате наши тяжёлые вертолёты, предназначенные для поиска и уничтожения магнитных мин с воздуха, простояли на палубе крейсера-вертолётоносца «Ленинград» почти всю операцию, лишь изредка вылетая с аэродрома Эль-Анад, а за всё отдувались ребята из дивизиона морских тральщиков, буквально ходившие по минам два месяца. Логика этих действий была для нас совершенно непонятна, так как очистка Красного моря от мин была, в первую очередь, в интересах Северного Йемена. Наш танкер входил в состав этого отряда – обеспечивал тральщики водой, продуктами и горючим, работая круглые сутки, и эту ситуацию мы хорошо знали. Вот уж поистине, Восток – дело тонкое!

К борту подошёл лоцманский катер с портовыми властями, кроме них на палубу ступили и двое военных в оливковой полевой форме и чёрных беретах. Экипаж собрали в столовой, и перед нами выступил молодой йеменский капитан по имени Махмуд, щедро увешанный кокардами, звёздами и аксельбантами.

Он вполне сносно говорил по-русски, так как недавно окончил Ташкентское высшее военное общевойсковое училище. Из его горячей, по-восточному темпераментной речи явствовало, что Ходейда – крупнейший порт Йемена и чуть ли не его промышленный центр, что в городе есть самый большой на побережье цементный завод и несколько крупных фабрик. Население Ходейды горячо любит советских людей и с нетерпением их ждёт...

Тут в столовую заглянул второй военный с типично рязанской, круглой и основательно загорелой физиономией, к которой совершенно не шёл чёрный берет. После захода в каюту капитана у него заметно покраснел нос и подозрительно весело блестели голубые глаза.

Заговорщически подмигнув, он отослал Махмуда в капитанскую каюту, сам же, отрекомендовавшись пол-

ковником Соколовым, военным советником йеменской армии, обратился к нам с весьма пространной речью, более напомиравшей целевой инструктаж. Из этой речи вытекало, что коллега Махмуд, как истинный патриот Йемена и дальний родственник президента Салеха, весьма основательно «подзагнул» насчёт величия Ходейды, которая в действительности является большой дырой, что цементный завод занимается только расфасовкой китайского цемента в бумажные мешки, а две фабрики города производят исключительно газировку и мороженое, которое сами аборигены на дух не переносят.

Директор фабрики по-йеменски именуется «мудир» (не путать с русским приблизительным аналогом), друг – «садык», это рекомендуемое общепринятое обращение, и упаси боже назвать бедуина (при всей их внешней схожести) – бабуином. Бедуины постоянно заняты тем, что кочуют из Северного Йемена в Южный и обратно, где их каждый раз переписывают и выдают денежное пособие от Саудовской Аравии. Тем и живут.

В городе введён комендантский час, по вечерам, бывает, постреливают, вот наемдни полицейские с блокпоста ночью подстрелили машину с подвыпившими китайскими советниками. То-то было весело!

Население нас действительно ждёт с великой радостью, однако исключительно из корыстных побуждений – торговцы из всех запасников вытащили всякий неликвидный хлам и взвинтили цены в магазинах и на базарах в три раза. При покупке обязательно надо яростно торговаться, изредка поминая аллаха, а то подумают, что ты их не уважаешь. При этом русскую ненормативную лексику желательно не применять, ибо торговцы её вполне сносно разумеют и очень обижаются, когда нехорошо поминают их маму. На Востоке это как-то, знаете ли, не принято.

Военные советники разных стран мирно живут в одном городке, ходят друг к другу в гости и дружат семьями. Вполне приятные, между прочим, люди, хотя, конечно, и являются закоренелыми империалистами.

Утром следующего дня половина экипажа, загрузившись в рабочий катер и спасательный бот, отправилась в город. Без приключений, конечно же, не обошлось. Единственный (из шести имеющихся на судне) работающий спасательный бот для начала сорвался с шлюпбалок, потом по ходу дела на нём сработала спринклерная система орошения, окатив нас всех забортной водой. В завершение, из-за судорожных манипуляций с реверсами, производимых небезызвестным четвёртым помощником Витей «Манди», заглох мотор, и через сальник гребного вала шустрым фонтанчиком пошла вода. Мы начали откачку ручной помпой, недобрым словом помянув баламута Витю. В это время бот понесло течением прямо на стоящий на якоре китайский сухогруз, весь экипаж которого вывалил на палубу, выражая бурную радость гортанными воплями и размахивая цитатниками Мао. А из иллюминаторов машинного отделения нас приветствовали голыми жёлтыми задницами, которые, впрочем, по выразительности незначительно отличались от лиц, разве только отсутствием улыбок.

Однако радость наших желтолицых братьев была недолгой, мотористам удалось запустить движок, и бот

парадным ходом пошёл к причалу. «Манди», сидящий на корме у руля, сделал китайцам общепринятый приветственный жест рукой (подняв вверх средний палец), после чего галдёж и размахивание цитатниками на палубе парохода заметно усилились.

Высадившись на пустынный причал, мы толпой пошли к автобусу нашей военной миссии. Поскучневший Витя проводил нас горестным взглядом: он сидел уже месяц «без берега» в наказание за нигилизм и вольнодумство. Будучи художником судовой стенгазеты, он несанкционированно вставил в неё свой рисунок, изображавший спящих в кубрике матросов. У них на местах соответствующих органов были нарисованы приличной величины выпуклости, а внизу красовалась подпись: «И снится нам не рокот космодрома...» В принципе, Витя не погрешил против истины, однако бедного замполита чуть не хватил кондрашка – дело происходило в Адене, и на борт должно было прибыть с проверкой политическое начальство из штаба восьмой оперативной эскадры. Тот уж повеселились бы! С далеко идущими оргвыводами о моральном облике экипажа.

На причале никого не было видно, только из обложенного мешками с песком капонира с 37-миллиметровой зениткой доносился дружный храп доблестных защитников йеменского неба. Мы на цыпочках прошли мимо зенитчиков, которые безмятежно спали, обхватив руками автоматы, и сели в военный автобус, который доставил нас в центр города. Центр славного портового города Ходейды в то время представлял собой нагромождение одно- и двухэтажных зданий, лавок, лавчонок и магазинчиков, заваленных всяким барахлом сингапурского и тайваньского производства. Поскольку в городе отсутствовал асфальт, всё было покрыто слоем мелкой песчаной пыли. Обращало на себя внимание обилие праздничношатающихся мужчин, обвешанных оружием, и повосточному хаотичное движение машин, мотоциклов и ишаков, которое никто не регулировал.

Среднестатистический представитель йеменского мужского поголовья, как правило, одет весьма живописно, носит за кушаком кривой кинжал «джамбию», а бедуины так и вовсе таскают на себе целый арсенал, начиная от музейных кремнёвых ружей и магазинных винтовок Ли-Энфильда (более известных у нас под названием «бур») до автоматов Калашникова и американских М-16 включительно. Кое-кто навешивает на себя ещё и американские «кольты» с солидным запасом патронов, а один бедуин так и вовсе ходил с ручным пулемётом Дегтярёва на ремне и двумя круглыми запасными магазинами в подсумке. Идёт себе эдакий «мачо», загребая пыль босыми ногами с порепанными пятками, грязная чалма набекрень, в рваной рубашке, каком-то подобии юбки, но весь увешан оружием и глядит на всех презрительно свысока, удивительно напоминая верблюда. Вот уж воистину, с кем поведёшься...

Долгожданных женщин мы так и не увидели, хотя изредка мелькали какие-то бесполое существа в чёрных бесформенных хламидах, с закрытыми лицами, основательно нагруженные разнообразной кладью. Так что взгляд ничего не радовало и слух не услаждало. Обраща-

ли на себя внимание и машины, как правило, английские грузовые «бедфорды», ярко раскрашенные, с безразмерным кузовом, забитым всяким хламом и лошадиными хвостами по углам. Причём лошадиные хвосты на шестах приделывались даже к мотоциклам.

Вся эта масса людей, лошадей, машин и верблюдов непрерывно и хаотично перемещалась с невероятным шумом и гамом, непривычными для наших ушей. Через пару часов у нас уже болели головы и очень хотелось домой.

Пообщавшись с двумя приличного вида арабами, сносно говорящими на русском, мы только направили было свои стопы в их лавку на соседнюю улицу, предвкушая покупку заветных белых штанов, почему-то пользовавшихся у нас в экипаже (да и в бригаде) большой популярностью, как возле нас остановилась легковая машина, и товарищ с неприметной славянской наружностью вежливо, но весьма настоятельно порекомендовал нам туда не ходить. Нас явно «пасли» наши славные чекисты, надо полагать, из самых лучших побуждений...

Время между тем катилось к полудню, жара сгущалась, и мы вдруг стали замечать, что народу становится значительно меньше, да и лавчонки потихоньку закрываются. Аборигены стали пачками «отключаться» в тенёчке. При этом они, как коровы, жевали какие-то листья, пуская зелёную пену, и на их сонных лицах читалось тихое блаженство. Оказывается, местные хлопцы активно потребляют листья «ката» – кустарника, обладающего слабым наркотическим действием. Обычай, видите ли, у них такой.

Ещё немного полюбовавшись на картину массового «улёта» аборигенов, свидетельствовавшего о полной утрате коммерческих интересов к нашим персонам, экипаж с большой радостью загрузился в подошедший автобус и направился в порт.

Ситуация с зенитчиками повторилась в обратном порядке, доблестные бойцы всё так же пребывали в состоянии нирваны. Только из-за бруствера показалась сонная физиономия с неизменной зелёной пеной на губах и, обзрев нас абсолютно индифферентным взглядом, вновь исчезла, смачно всхрапнув на прощание.

Загрузившись в рабочий катер и наспех отремонтированный бот, мы кильватерной колонной неторопливо направились к танкеру, попутно дружно поприветствовав китайских друзей жестом, описанным ранее, только выполненным синхронно двадцатью руками. Эффект был потрясающим! Интенсивность воплей на китайском языке сразу потянула децибел эдак на 80. Но что для друзей не сделаешь!

По правому борту открылась не совсем приятная для наших глаз картина: то, что мы принимали раньше за обычный волнолом, оказалось колонной наших «зилков» – самосвалов, поставленных впритык и загнанных в воду по кузова. Их использовали в качестве волнолома, так как «садыки» просто поленились (или не умели) их ремонтировать. Да и действительно, чего с ними возиться, когда из Союза новые машины пришлют! Только заикнись, что ты борешься за социализм.

Бот и катер медленно, с усилием выгребая против встречного ветра, двигались к месту якорной стоянки, куда уже подошли два сторожевика нашей эскадры для

сопровождения. Наши спасательные боты – это отдельная песня. Сделанные из стеклопластика, они должны были обеспечить наше спасение, даже идя по горящей нефти, обильно поливая себя сверху забортной водой. Однако спринклерная система орошения в походах быстро «закисала» от морской соли, а движки работали кое-как. Так что в случае прохождения по горящей нефти был шанс красиво поджариться. А то, что бот не горючий... так ведь ежели сковородка и не горит, рыбе-то на ней от этого не легче!

С большим удовольствием моряки наконец-то ступили на родную палубу, знакомую до последней заклёпки. Поздно вечером на корме подводили итоги, оказавшиеся неутешительными, – хитрые «садыки» всучили нам высохшие косметички и всякого рода «арабские» сувениры, оказавшиеся дешёвыми тайваньскими подделками. На следующий день желающих посетить Ходейду не было. Кроме того, рядом на якорь встало ливанское судно, груженное живыми баранами для паломников в Мекке, и их непрерывное бляение и нестерпимый запах скотобазы отнюдь не способствовали хорошему настроению.

К вечеру танкер в сопровождении сторожевых кораблей, к общей радости, снялся с якоря и вышел в Красное море. Капитан, передвинув рукоятку машинного телеграфа на «малый вперёд», лаконично выразил общее мнение: «Ну, всё! Сюда я больше не ездец!»

Пунктир рекомендованного курса на затёртой штурманской рабочей карте упирался в знакомую до слёз бухту Губбет Мус-Нефит. Позади остались долгие одиннадцать месяцев рейса, впереди нас ожидали ещё семь. Впереди были остров Маврикий, Сейшелы, архипелаг Диего-Гарсия и прочие прелести бродячей морской жизни. Но мы этого, к счастью, ещё не знали...

Африканский реванш капитана Владимирова

Гидрографическое судно ВМФ США «T-AGS 33 Уилкс» (тип «Силас Бент», 1970 г. постройки, 2540 т. водоизмещением, дальность 12000 миль, двигатель – дизель 3600 л.с., длина 87,2 м, осадка 4,5 м, экипаж 43 чел. + 31 научный сотрудник). Предназначен для гидрографических исследований («Справочник по иностранным флотам»).

Танкер «Владимир Колечицкий» средним ходом вошёл в африканский порт Джибути весьма своевременно – открывшееся зрелище того стоило. Не так уж часто нам удавалось видеть почти всю иностранную эскадру, действующую в Красном море. От причалов уже отошли и красиво вытягивались в кильватерную колонну французские эсминцы «Дюпти Туар», «Дю Шейла», сторожевик «Виктор Шельшер» и английский тральщик «Миддлтон».

Два закопчённых портовых буксира со старомодными высокими трубами выводили на рейд новейший

её королевского величества фрегат УРО «Бэттлэкс», ошестившийся стволами орудий и ракетными установками. На баковой надстройке красовался командир в белой тропической форме, белых перчатках и со стеклом под мышкой. И все английские офицеры, и матросы тоже были в белых шортах и рубашках, резко контрастировавших с их загорелыми телами. В бинокль было хорошо видно спокойное, надменное лицо командира, отдававшего по радиации короткие приказания.

Но самое интересное зрелище нас ждало впереди – от пирса шустро отвалил симпатичный беленький пароходик, густо утыканный разного рода антеннами. Наконец-то мы увидели живьем нашего старинного «приятеля» – гидрографическое судно США «Уилкс», которое постоянно «пасло» наши корабли, никогда к ним не приближаясь. Это было «длинное ухо» и «всевидящий глаз» американского флота, занимающееся отнюдь не только положенными ему по штату океанографическими исследованиями. Проходя мимо, американцы подчёркнуто любезно нас поприветствовали, приложив руки к фуражкам. Капитан Владимиров, выйдя на мостик, ответил тем же, хотя пробурчал не приветствие, а совершенно другие, непередаваемые на английский предложения.

Дело в том, что месяц назад командир «Уилкса», выйдя на нашу волну, изысканно-вежливо поздравил нашего кэпа с днём рождения, чем его весьма раздосадовал и основательно подпортил ему праздник. Это был серьёзный по тем временам «прокол» для нас. В принципе ничего секретного в дне рождения капитана не было, так как при заходе в любой порт в документах на прививки и в судовой роли эти даты имеются, и достать их большого труда не составляет. Но для военных кораблей это не обязательно (а «Уилкс» нёс военно-морской флаг), и нам узнать ни фамилий, ни дат рождения его экипажа заведомо не удастся. Так что желание ответить у нас имелось, но вот с возможностями-то было слабовато. Тем более, что в этот рейс, сняв орудийные башни, мы вышли с судовыми документами Дальневосточного морского пароходства и под красным флагом, хотя от понимающего человека, разумеется, скрыть характерные очертания военного танкера вряд ли можно.

Нас пришвартовали на место, освободившееся от «Уилкса», на борт поднялись портовые власти, сразу подали шланги для дефицитной пресной воды – танкер должен был обеспечивать ею боевые корабли, занимающиеся разминированием Красного моря. Капитан уехал в консульство, штурманы занялись приёмом и оформлением грузов, а меня, как обычно на стоянках, определили вахтенным помощником. Поставив матроса к трапу, я сразу заметил, что возле мусорных контейнеров, стоящих неподалёку на причале, крутится стайка местных пацанов, которые вытаскивают из них тряпки и какие-то яркие журналы. Полисмен в синей форме, стоявший неподалёку, никакого внимания на них не обращал.

Подошёл поближе: мама родная! – легендарные журналы «Пентхаус», «Плейбой», «Нэншл джиогрэфик»! И вдобавок на каждой наклейке американского почтового ведомства с надписями U.S.A. «Wilkes» и фамилиями. Вот это удача! Позвонил в радиорубку, начальник

радиостанции Володя Онощенко моментально просёк ситуацию. Это был наш шанс! Путём несложных меновых операций у юных, но коммерчески развитых аборигенов удалось выманить все журналы, причём всего лишь за пачку завалившихся политотдельских агитационных брошюр на английском языке с картинками про сказочную советскую жизнь и десять банок пайковой кильки в томате. Пришлось подарить также и старую кроличью шапку, на которую аборигены, что называется, запали.

Подоспевший помполит, узрев голых красоток на журнальных обложках, поспешил их изъять от греха подалее и во избежание тотального разложения личного состава забрать к себе в каюту (надо сказать, что бдительный Леонтыч пытался однажды изъять даже мой учебник по гинекологии).

Ну, а с наклейками радисты потом поработали, составив небольшой список экипажа «Уилкса».

Вся операция заняла не более получаса. Можно было немного расслабиться, насколько это возможно на вахте. В Джибути (это бывшее Французское Сомали) нам уже раньше не раз приходилось бывать, ничего особо выдающегося в этом городе для нас не было. Гораздо интереснее было понаблюдать за французами. Рядом с нами были пришвартованы небольшой, словно красивая игрушка, контейнеровоз «Иль де Брест» и сторожевой корабль «Дудар де Лагре» с парусиновым тентом над кормовой палубой.

По причалу, направляясь к нему, шёл маленький отряд французских «матло» в белой тропической форме, шортах, гольфах и бескозырках со смешными красными помпонами. Худенькие пацаны-срочники, точно такие же, как и наши матросы, абсолютно не смахивали на «цепных псов мирового империализма», своими белыми тапочками и матросскими воротничками они больше походили на пионерский отряд на прогулке, чем на военных моряков. Над городом густо летали истребители «Мираж-3» с треугольным крылом, камуфлированные в песочно-зелёные цвета пустыни, красиво выполняющие фигуры высшего пилотажа. Это выглядело уже несколько посерьёзнее.

Интересно было разглядывать причальную стенку, – оказывается, привычка оставлять надписи типа «Здесь был Вася!» свойственна морякам всего мира. Особенно американцам. Ну и мы, разумеется, тоже, не нарушая традиций, рядом с автографом «Уилкса» оставили свой, красиво написанный белилами.

К вечеру, закончив погрузку, танкер направился к берегам Северного Йемена, где нас уже ждали корабли нашего соединения. Собравшись в кают-компании, решили при случае с чем-нибудь поздравить друзей с «Уилкса», огласив весь список полностью, тем более, что среди журналов обнаружился обрывок судовой роли, с указанием должностей. Капитан отнёсся к этой затее вполне одобрительно – надо было взять реванш за день рождения.

А вскоре подвернулся и подходящий случай.

В День независимости США, выйдя на позывные «Уилкса», наши радисты, что называется от всей души, поздравили доблестный экипаж американского корабля с праздником (а командный состав ещё и поимённо).

Пролив Лаперуза (операция по подъёму Боинга-747)

На ледоколе "Илья Муромец"

Американцы сдержанно поблагодарили в ответ. А что им, собственно, ещё оставалось?

В ходовой рубке танкера царило необыкновенное оживление, капитан сыпал анекдотами, радисты приплясывали и радостно потирали руки.

Настроение испортил только помполит Леонтьич, у которого загадочно исчезли несколько номеров журнала «Плейбой», обильно оснащённых красивыми картинками с голыми девицами.

Предпринятые им поиски в корабельных «шхерах» успехом не увенчались. В машинном отделении были найдены только два замасленных журнала «Нэшнл джигрефик», по которым, как объяснил второй механик

Семёныч, мотористы под его руководством совершенствовали английский язык. А самая интересная картинка из «Плейбоя» (в стиле «ню») была загадочным образом приклеена к обложке журнала учёта посещаемости политзанятий.

Зато в Адене на совещании, состоявшемся на штабном корабле восьмой оперативной эскадры «Тамань», наш танкер упомянули в приказе как «пример нетрадиционного подхода к способам получения разведывательной информации и правильного её использования».

«Уилкс» же с нами больше не разговаривал. Да и о чём было говорить... Наша взяла!

Позже мы обнаружили в журнале «Плейбой», «Нэшнл джигрефик» и в ходовой рубке танкера американские журналы с названиями U.S.A. «Wilks» и фамилией... Вот это дело! Потвонка в радиорубку, начальник

В День независимости США, выйдя на позицию... «Уилкс»... что называется от всей души... доблестный экипаж американского корабля... с праздником (а командный состав ещё и помешан).